

Война и мир

Из цикла «Прошедшее- настоящее».

Мне было всего полтора года, когда закончилась война, но и у меня есть свои воспоминания.

Я хорошо помню, например, инвалида на самодельной коляске – доске на колесах. У него не было обеих ног. А помню его, потому что и через несколько лет после войны ее участник торговал на углу нашей улицы вареным нутом (восточный горох) в кулечках, скрученных из газет. Дети его любили и жалели, а некоторые дразнили. Он не обижался. Однажды к нашей соседке тете Вике, эвакуированной из Ленинграда, приехал её отец - высокий беловолосый человек. Он вернулся из плена, куда попал потому, что был немцем – по национальности. А самым страшным ругательством у нас тогда было «немец», что соответствовало ругательству «фашист» на 100 %. И мы мысленно забрасывали этого «фашиста» камнями.

Тетя Вика была очень красивой и веселой, да и все во дворе были очень дружными. Субботними вечерами во дворе устраивались танцы. Патефон стоял на подоконнике открытого окна. Во дворе нашего трехэтажного дома росли высоченные акации, которые не только давали прохладу, но и роняли на землю большие и очень сладкие стручки. А на все праздники, в том числе религиозные, дети, разносили по соседям всякие вкусности – мацу, плов, лепешки, печак (конфеты), куличи...

Позже я осознала, что это так запомнившееся мне настроение детства было настроением счастья после закончившейся войны, пусть не без потерь, пусть далеко от линии фронта, Мама, солистка оперы, пекла пирожки и продавала, чтобы прокормить троих детей. К Первомаю она старалась сшить нам обновки – мне и сестре по платьицу, а брату из этого же ситца – рубашку.

Мы радовались, когда после долгой очереди нам доставался не только черный, но и серый хлеб. Прямо из-под крана во дворе ломать хлеба можно было обрызгать холодной водой, затем уже дома посыпать сахарным песком и откусывать по маленькому кусочку. Папа мало говорил о войне. Он был на Сталинградском фронте, и еще где-то, с бригадой артистов. Смутно помню его рассказ о том, как однажды на их караван (верблюдов?) напали басмачи и сбросили маленького Тимура с моста в реку. Папа еле его спас. В Таджикистане, был свой, еще один фронт.

Вспомнилось, как к нам в редакцию журнала «Ровесник» приехали журналисты из ГДР. Где-то в году семидесятом. В крохотном каминном зале двухэтажного особняка в Спиридоновском переулке мы устроили не только ужин, но и ... танцы. Пригласивший меня на танец высокий немец говорил мне, что очень боялся приезжать в СССР, остро ощущал свою вину за ту войну, и очень удивлялся нашему миролюбию по отношению к немцам после пережитого кошмара.

Мы с Сережкой любили с красными гвоздиками ходить 9 мая к Большому театру. Там собирались ветераны войны. Они обнимали друг друга, плакали, вспоминали. У меня не было тогда родственников, вернувшихся или не вернувшихся с фронта, но почему-то тянуло туда, в сквер перед Большим каждое 9 мая. Конечно, «виноваты» были «военные» литература и кино. Такие разные – от К. Симонова до В. Астафьева, от «Баллады о солдате» до «Проверки на дорогах». Произведения высочайшего градуса гуманизма. До сих пор не превзойденного. А вот устных рассказов от самих фронтовиков я почти не слышала (или не помню). А ведь в нашем писательском доме почти половина писателей побывала на фронте, тот же К.Симонов, например. Да и папа был дружен с поэтом М. Светловым («Гренада моя»), певицей К. Шульженко («Синий платочек»), прозаиком Сергеем Смирновым («Брестская крепость»).... Было бы странно, если бы в поколении моих родителей не было множества таких знакомых. Даже у меня были свои собственные знакомые и друзья фронтовики – кинорежиссер П. Тодоровский («Военно-полевой роман»), поэт Е.Винокуров («Мальчишка с Малой Бронной»), а моя ближайшая подруга

вышла замуж за ветерана войны поэта В. Соколова. Именно война как бы объединила несколько поколений в одно – во всяком случае, ментально.

В 1990 году у меня появился родственник, даже близкий родственник - Яблоков Климент Владимирович. Деверь. Мы с Алексеем Владимировичем всегда приезжали к нему 9 мая. Клим любил отмечать этот день на родительской даче в д. Свистуха. Собирались все его дети-внуки, Клим надевал пиджак с наградами. О войне, куда он ушел в неполные семнадцать, он говорил редко. Но я, понятно, от его младшего брата знала уже много. В том числе про контузию.

Клим умер 25 апреля 2021 года на 95-м году жизни. Больно вдвойне оттого, что он подхватил ковид в больнице. Мне почему-то кажется, что судьба, да и персонал больницы обошлись не справедливо по отношению к пожилому человеку, к тому же ветерану войны. Наверное, я не права, но я невольно думаю - вот ОНИ прислали ему приглашение на Парад Победы, но чуть позже сообщили, что у НИХ не предусмотрена помощь в организации похорон – это как? Это что? Видимо, не предусмотрено от военкомата или Совета ветеранов выразить соболезнование вдове – звонком ли, телеграммой ли... Татьяна, вдова Клина, до сих пор ожидает какой-то знак от Соцзащиты и молодежного движения Живой Голос Победы. Правда, от активистов этого движения она до сегодняшнего дня продолжает получать поздравительные ко Дню победы открытки для Клина.

.... Отношение к ветерану как к декорации для Парада?

Однажды Клим похвастался, что получил от НИХ подарок на 90-летие – роскошный чайный сервиз с золоченными двуглавыми орлами. Он очень радовался и гордился. Я не стала ему говорить, что мне тоже достался такой сервиз – такие дарят всем, кому исполняется 90 лет. Мне его, естественно, передарили, а я его также передарила – Касимовскому Музею самоваров. Пить чай из таких парадных чашек мне как-то неловко.

Только что получила от Сережки потрясающий интернациональный клип песни из фильма «Белорусский вокзал». Облилась слезами.